

Ли Лу в этот момент ужинала в поместье Цзян, но сидела как на иголках.

Вспоминая, как она только приехала в поместье Цзян и увидела это роскошное здание, ничуть не уступающее поместью Цинь, она подумала, что ее мозг совсем сдал. Раз уж ее семья настолько богата, с какой стати она так осторожно заискивала перед Цинь Фанем? Уж не больна ли она?!

Разве не прекрасно жить в свое удовольствие? Неудивительно, что он не хотел сопровождать ее домой — наверняка боялся, что она больше не вернется с ним.

Хотя от Цинь Фаня она узнала, что у Цзян Янь были плохие отношения с семьей, ей было все равно. В конце концов, ее родители не жили вместе, и в этом особняке оставался только Старейшина Цзян. Стоит ей проявить послушание и очарование, научиться радовать старика — и все будет хорошо.

На самом деле она уже давно устала от Цинь Фаня. Он не только требовал, чтобы во всем угождали прежде всего ему, но к тому же был самовлюбленным, вспыльчивым и вечно норовил испробовать с ней какие-то новшества, доводя ее до изнеможения.

Раньше она бы просто стерпела. В конце концов, она только-только заняла тело Цзян Янь и еще чувствовала себя неуверенно.

Однако со временем она решила, что это дар небес. Иначе почему среди стольких людей, ежедневно умирающих от несчастных случаев в больницах, переродилась именно она? Должно быть, она — та, кого оберегают небеса.

Поместье Цинь было выдержано в европейском стиле, тогда как поместье Цзян — в традиционном китайском.

Ли Лу с чистой совестью переступила порог поместья Цинь. Как только она вошла, в ее сердце поднялась жажда обладания: если она полностью превратится в Цзян Янь, то все здесь станет ее.

Архитектура с резными балками и расписными стропилами, карнизы из поливной черепицы, старинные галереи, бесчисленные картины известных мастеров древности, а еще богатство, которого ей хватило бы до конца следующих жизней.

Она завидовала этой Цзян Янь, выросшей в медовой чаше с самого детства: почему все это досталось не ей? Впрочем, к счастью, теперь все это принадлежит ей.

Ли Лу с полными предвкушения мечтами вошла в переднюю и подошла к Старейшине Цзян, сладко произнеся:

— Здравствуйте, дедушка.

Старейшина Цзян казался каким-то недовольным: его брови были нахмурены, на лице не отражалось ни малейшей радости, а изборожденное морщинами лицо выглядело еще более суровым. Крепко сжав обеими руками трость, он молча в упор смотрел на Ли Лу.

Столкнувшись со взглядом Старейшины Цзян, Ли Лу слегка испугалась и чуть было не потеряла контроль над лицом, но вовремя, заметив, как паника собирается проступить наружу, взяла себя в руки.

Мысленно она предостерегла себя: нельзя паниковать, она и есть Цзян Янь, тут не о чем беспокоиться.

Ли Лу капризно обратилась к Старейшине Цзян:

— Дедушка, ты такой грозный, ты меня напугал.

Услышав ласковые и мягкие слова своей послушной внучки, даже самое твердое сердце должно было растаять — как же он мог продолжать держать кислую мину?

Он и так жалел эту единственную внучку, тем более что ее родители...

Эх! Если не он жалеет ее, то кто же еще пожалеет? Этот проклятый негодяй, думалось ведь, что он порядочный человек, а он умудрился выкинуть такое! Позорище на всю семью Цинь, и бедной внучке теперь приходится выслушивать пересуды чужих людей.

При одной этой мысли он закипал от гнева, но стоило ему взглянуть на послушную и милостивую внучку, как ему тотчас хотелось отлупить этого мерзавца.

Видя, что Старейшина Цзян молчит, Ли Лу заволновалась, а когда услышала, как он дважды легко постучал тростью о пол, испугалась еще сильнее.

Неужели у Старейшины Цзян и впрямь были плохие отношения с Цзян Янь?

Пока Ли Лу дрожала от страха, Старейшина Цзян поднялся со своего высокого кресла, подошел к ней, потрепал по голове и с отцовской нежностью произнес:

— Ребенок, ты настрадалась.

Ли Лу удивилась, но не подала виду и с понимающей улыбкой ответила:

— Дедушка, я не страдала... то есть не страдала, просто мне немного совестно, что я не могла постоянно находиться рядом с тобой. Услышав это, Старейшина Цзян еще сильнее уверился в том, что Ли Лу обидели, но она молчит лишь для того, чтобы он не волновался.

— Цзян Янь, не бойся! Пока дедушка жив, он никому не позволит тебя обидеть. Оставайся пока у дедушки, а с помолвкой я тебе помогу разобраться.

Глядя на неподдельную нежность в глазах Старейшины Цзян, Ли Лу почувствовала щемящую боль в сердце: почему у нее не было такого дедушки?

Она даже никогда не видела своего деда, а родители оставили ее слишком рано.

Ей хотелось удержать это с трудом доставшееся тепло в руках, а не дать ему исчезнуть подобно цветам в зеркале и луне на воде.

Прости, Цзян Янь, она действительно хотела еще немного задержаться в этом мире, поэтому ей пришлось поступить нечестно по отношению к ней.

На самом деле у нее было смутное предчувствие, что Цзян Янь все еще здесь, только она не была до конца уверена. И лишь когда несколько дней назад Цзян Янь попыталась отнять у нее тело, она окончательно поверила в ее существование.

Вот только отдавать тело Цзян Янь она не собиралась. Пусть она и была эгоистичной, но ни за что не откажется от выпавшей ей удачи.

Наполнив глаза слезами и глядя на пожилого человека, Ли Лу с чувством произнесла:

— Хорошо, дедушка.

На лице Старейшины Цзян вновь появилась улыбка: главное, что она прислушалась к его словам. Если бы она упрямо захотела остаться с Цинь Фанем, он бы ничем не смог ей помочь.

— Цзян Янь, поживи в той комнате, что я приготовил тебе раньше. Все вещи в ней остались на своих местах.

Ли Лу радостно улыбнулась и торопливо ответила:

— Я поняла, дедушка, тогда я пойду к себе и немного приберусь.

— Иди!

Провожая взглядом прыгающую фигурку Ли Лу, Старейшина Цзян тихо проговорил:

— Цзян Янь, с тех пор как ты узнала о гибели родителей, ты перестала сюда приходить. Дедушка так рад видеть, что ты наконец смогла отпустить это.

Расспросив работавших в доме слуг, Ли Лу быстро нашла свою комнату.

На стене висел портрет красавицы, действительно чем-то похожий на саму Цзян Янь.

В комнате витал легкий ненавязчивый аромат, наполненный утонченной атмосферой чернил и учености. Ей очень понравилась такая обстановка.

Находясь в подобном месте, можно было полностью расслабить тело и душу и больше не вспоминать о прежней боли и усталости.

Присев на кровать, она незаметно для себя заснула, а когда проснулась, уже наступило время ужина.

Ли Лу обулась и увидела у двери ждавшего ее человека.

Заметив, что барышня проснулась, служанка поспешно сказала:

— Старейшина ждет вас в передней зале, чтобы поужинать.

— Я поняла.

Добравшись до передней залы, Ли Лу увидела, что слуги уже подали разогретые блюда.

Судя по цвету еды, ее подогревали далеко не один раз, и от этого ей стало немного совестно.

Кажется, она проспала слишком долго, раз заставила пожилого человека ждать ее допоздна.

Садясь за стол, Ли Лу поймала на себе полный нежности взгляд Старейшины Цзян и почувствовала себя как на иголках.

Ей так хотелось рассказать ему правду — что она вовсе не его внучка. Но нельзя: если сказать об этом, они непременно позовут кого-нибудь, чтобы изгнать ее!

Она совсем не хотела закончить тем, что ее душа развеется. Как-то раз она слышала от Цинь Фаня: его знакомый говорил, что нынешние даосы и им подобные, столкнувшись с таким одиноким духом, как она, без колебаний уничтожат его, стерев из этого мира.

Этот мир не терпел ее существования — в конце концов, в эту эпоху призракам и демонам в принципе не положено появляться.

И если кое-где еще и оставались какие-то даосы, то лишь для того, чтобы люди обрели душевное спокойствие.

Заметив, что внучка чем-то встревожена, Старейшина Цзян решил, что еда пришлась ей не по вкусу, и поспешно спросил:

— Цзян Янь, еда невкусная?

Услышав слова Старейшины Цзян, Ли Лу тут же отогнала прочь свои безумные мысли и поспешила объяснить:

— Нет, просто я только что проснулась и в голове еще небольшой туман.

<http://bllate.org/book/22186/2311863>